

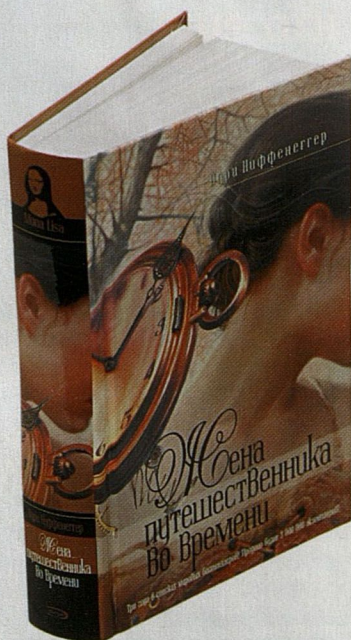
Неффенеггер Одри

1805.06

82 Доход. - 2006 - 12 - 18 мая -

К СЛОВУ

с. 82

Евгения Синева

*«Наше внутреннее
время — наша жена» —
этот отрывок из Дж.
Б. Пристли, взятый
Одри Неффенеггер
в качестве эпиграфа,
полностью отражает
содержание ее романа.*

Беги, Генри, беги

Впервые на русском языке вышел
роман Одри Неффенеггер
«Жена путешественника во времени»

Дебютный роман британской писательницы сразу же после выхода в свет получил престижную премию The British Book Award в номинации «Популярная литература». Случай редчайший. Экранизировать «Жену путешественника во времени» взялся Гас Ван Сент, главные роли в будущем фильме сыграют Брэд Питт и Дженнифер Энистон. А ведь все трое весьма разборчивы в выборе киноматериала. Почему такой ажиотаж? Потому что главный герой перемещается во времени.

Пожалуй, нет в истории мировой литературы более затасканного сюжета. Да и Генри, который любит Клэр, и Клэр, которая любит Генри, — интрига не первой свежести. Если к этому набору банальностей прибавить традиционную британскую многословность, выдаваемую за внимание к деталям и подробностям, получится околочантский китч.

А у Одри Неффенеггер получился мощный роман. Прежде всего действительно о любви. Которая в прямом смысле слова преодолевает пространство и время, потому что главный герой — Генри — постоянно перемещается. Происходит это совершенно неожиданно для него самого, просто одежда Генри остается в прежнем времени и месте, а абсолютно голый герой оказывается неизвестно где и когда. Любящая его жена Клэр на протяжении всей жизни умудряется к необычным свойствам мужа приспособливаться

и даже быть счастливой в таком странном браке. Периодически между супругами происходят такие диалоги:

«— Я забыла спросить: откуда ты пришел?

— Январь двухтысячного.

— Правда? — У нее лицо вытягивается. — Я думала, что дальше.

— Почему? Я такой старый?

Клэр гладит меня по носу. Пальцы путешествуют по переносице и к бровям.

— Нет, ты такой счастливый и спокойный, а обычно, когда ты приходишь из девяносто восьмого, девяносто девятого или двухтысячного, ты расстроенный или напуганный, и не говоришь почему. А когда ты из две тысячи первого, все в порядке.

— Ты говоришь как предсказательница судьбы, — смеюсь я. — Я никогда не думал, что ты так внимательно отслеживаешь мои настроения.

— А что мне еще остается?

— Ты же знаешь, что обычно сюда к тебе меня вызывает стресс. Поэтому не думай, что все эти годы наполнены для меня жутким кошмаром. Там есть и много приятного».

Все годы на самом деле Генри пытается убежать. От своего странного дара, от собственных бегств, от кошмарных воспоминаний детства. А у читателя от этой невозможности побега при непрерывном движении остается исключительно щемящее послевкусие.